

ОВЦЫ В ВОЛЧЬИХ ШКУРАХ

УОЛТЕР БЛОК

*в защиту
порицаемых*

WALTER BLOCK

DEFENDING THE UNDEFENDABLE

Уолтер Блок
Овцы в волчьих шкурах:
в защиту порицаемых

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947605

Уолтер Блок «Овцы в волчьих шкурах: в защиту порицаемых»: Социум;

Челябинск; 2011

ISBN 978-5-91603-659-6

Аннотация

В эпатажном произведении, изданном в США тридцать лет назад, профессор Уолтер Блок с позиций либертарианской этики и беспристрастной логики исследует галерею преследуемых обществом типажей, общественных «козлов отпущения», среди которых: сутенер, проститутка, штрейкбрехер, шантажист, ростовщик, клеветник, наркоторговец, наркоман, спекулянт, посредник и др. Результаты анализа поражают дерзостью и парадоксальностью.

«Овцы в волчьих шкурах» – это несомненный интеллектуальный вызов для экономистов и социологов, политиков, юристов, психологов. Книга представляет интерес и для широкого круга читателей, способных отбросить стереотипное восприятие и следовать за движением непредвзятой мысли.

Специально для настоящего издания художник С. Ёлкин создал новые иллюстрации к книге.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие автора к русскому изданию	9
Либертарианство и либертинизм[1]	11
I. Либертарианство	12
II. Культурный консерватизм	18
III. Примеры: проституция и наркотики	25
IV. Mea culpa[13]	31
Введение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Уолтер Блок

Овцы в волчьей шкуре

Эта книга посвящается тем, кто научил меня политической экономии и вдохновил страстью к справедливости:

Натаниэлю Брэндену, Уолтеру Грайндеру, Генри Хэзлиту, Бенджамину Клейну, Айн Рэнд, Джерри Волосу и в особенности Мюррею Ротбарду

Предисловие

Тем из нас, кто исповедует веру в свободу, истину и моральные принципы, редко приходится подтверждать степень своей действительной приверженности ценностям, верность которым мы декларируем. Одно из многочисленных достоинств книги Уолтера Блока «Defending the Undefendable» состоит в том, что она заставляет нас пристально взглянуть на свои убеждения, чтобы понять: действительно ли мы готовы принять следствия из наших принципов и пойти туда, куда нас ведут этические заключения.

Слишком часто инстинкт подталкивает нас следовать не своим принципам, а мнению толпы: нам приятнее быть в группе единомышленников, чем в одиночестве и при особом мнении.

Вызов, на который отвечает профессор Блок, состоит в том, чтобы заявить: за подлинной верой в свободу личности должно следовать признание свободы других делать то, что обычно считается некрасивым, пошлым, вредным или даже безнравственным.

Недостаточно заявить, что мы верим в свободу, и затем предъявить длинный перечень исключений – особенно если такие исключения представляют собой не более чем выражение наших собственных убеждений или предрассудков.

Конечно, некоторые из нас согласятся с этим в теории. Однако «Defending the Undefendable» подвергает наши убеждения проверке, спрашивая, готовы ли мы принять свободу личности жить сводничеством, сбытом наркотиков, шантажом, злоупотреблением полицейской властью, содержанием трущоб, барышничеством, штрейкбрехерством, спекуляцией билетами, скряжничеством, наймом на работу детей; готовы ли мы принять свободу того, кто уклоняется от благотворительности.

Многие, уверяющие, что они толерантны, уверяют также, что нельзя терпеть нестерпимое – или безнравственное. Профессор Блок в итоге просит нас объяснить, почему мы так склонны к исключениям, демонстрируя причины, по которым ни одно из таких исключений не имеет смысла.

Вот, например, объяснение причин, по которым мы должны уважать свободу шантажа. Шантажист обладает сведениями, которые вправе сообщать и даже обнародовать, но пред-

лагает лицу, которое не хочет сделать правду известной, возможность предотвратить ее раскрытие. Раскрой он истину, шантажист не поступил бы дурно. Не совершил бы он дурного, и ничего не раскрывая. Почему его следует наказывать за предложение заплатить за сохранение молчания? Почему сплетник, молчание которого купить невозможно, сообщающий всему миру то, что мне хотелось бы сохранить в тайне, остается безнаказанным за сообщение вредящей мне правды, а шантажист наказывается за предложение оплатить молчание?

Вот защита злоупотреблений полицейского. Если некоторые законы безнравственны, честный полицейский, применяющий безнравственный закон, насаждает безнравственность. Разумеется, мы предпочтем полицейского, который отказывается применять такие законы, или даже полицейского, принимающего взятку за их неприменение. Разве не должны предпочесть?

Скептически настроенные читатели поспешат с очевидными ответами. Разумеется, скажут они, мы должны поддерживать закон из принципа, либо в противном случае закон потеряет уважение. А соглашения, запрещающие шантаж, необходимы, чтобы не поощрять таких торгашеских замашек. Это именно тот эффект, который должна иметь хорошая книга: побуждать читателей к лучшим решениям этических головоломок.

Но предлагать решения профессору Блоку непросто. Он

не только оценивает их, но держит про запас неожиданные возражения. Действительно, он обещает нам нечто большее: показать, что некоторые люди, которых мы травим, должны рассматриваться как ценные члены общества – и даже как герои.

Когда я тридцать лет назад впервые читал книгу «Defending the Undefendable», я поражался, насколько умело в ней сочетаются экономические рассуждения и этический принцип, приводя к некоторым удивительным заключениям.

Перечитывая ее сейчас, я все еще восхищаюсь ею. Кроме того, я поражаюсь тому, насколько смелым является следование за собственными принципами туда, куда они ведут, а также их защита – даже когда следствия их оказываются неудобными. Эта книга может научить большему, чем многие ученые трактаты о свободе.

Чандран КУКУТАС,

профессор политической теории факультета государственного управления Лондонской школы экономики

Предисловие автора к русскому изданию

Я обрадован и польщен тем, что моя книга переводится на русский язык, издается в России и будет доступна народу этой великой страны. Признаюсь, что изданию этой книги в вашей стране я рад даже больше, чем изданию на англоязычном Западе. Почему?

Настоящая книга, небольшая частица огромной литературы, демонстрирующая достоинства системы свободного предпринимательства, может принести в этой части мира больше добра, чем в той, где я живу много лет.

Причина, по которой Советский Союз был более беден, чем США, заключается в том, что последние были экономически свободнее. Это нельзя объяснить запасами природных ресурсов. Обе страны щедро наделены полезными ископаемыми, нефтью, золотом, древесиной, обширными сельскохозяйственными угодьями. У обеих много внутренних вод и есть выход к океанам. А что с умственными способностями населения? Я не вполне уверен, но есть доводы в пользу того, что мои соотечественники в этом уступают вашим. В конце концов, русский спутник был запущен до американского полета на Луну. Другим показателем коэффициента интеллекта наверняка является игра в шахматы. И здесь с очевидно-

стью российские гроссмейстеры, включая эмигрантов, возглавляют все списки.

Так откуда же такое больное хозяйство? Это очень просто: нехватка прав частной собственности и свободных рынков.

Я не столь наивен, чтобы считать, что какая бы то ни было книга, и уж точно не эта, способна изменить эти обстоятельства. Однако идеи обладают очень большой силой. Каждая публикация, восхваляющая достоинства свободного рынка (*laissez faire*), подобно этой, может внести свой вклад. Я искренне уверен, что если «Defending the Undefendable» может помочь сдвинуть российскую экономику хотя бы на пресловутую миллионную долю дюйма к цивилизованному хозяйству, она имеет право на существование.

Если этого удастся достичь, результатом станет не только большее процветание, но, что более важно, справедливость. Поскольку не позволять людям покупать и продавать, торговать и обмениваться, вкладывать и копить так, как они того пожелают, является нарушением прав человека.

Я восхищен новыми рисунками, иллюстрирующими это издание, и надеюсь и верю, что они сыграют свою роль в пропаганде свободы.

Уолтер Блок,

профессор экономической теории,

католический Университет Лойолы Нового Орлеана

Либертарианство и либертинизм¹

Во всей политической экономике нет большей путаницы, чем путаница между либертарианством и либертинизмом.² Их часто принимают друг за друга, и это в высшей степени незаслуженно. По ряду причин либертарианство и либертинизм сложно сравнить и противопоставить. Во-первых и самое главное, по некоторым вопросам эти две точки зрения очень близки друг к другу, по крайней мере на первый взгляд. Во-вторых, – может быть, по чистой случайности или по этимологическим соображениям – эти два слова не только похожи на слух, но и почти одинаково пишутся. Поэтому тем более важно различать столь разные понятия, соответствующие этим словам.

¹ Предисловие автора к португальскому изданию 1993 г.

² Либертинами называют себя люди, не признающие моральных, сексуальных и религиозных и тому подобных ограничений, считающие их ненужными и нежелательными. Соответственно либертинизмом называют образ жизни либертинов, характеризующийся прежде всего сексуальной распушенностью. – *Прим. ред.*

I. Либертарианство

Либертарианство – это политическая философия. Она занимается *только* правильным применением силы. Главной ее предпосылкой является положение о том, что угроза применения или попытка применения насилия против личности или собственности без разрешения должна быть незаконной; применение силы оправдывается только в случае защиты или возмездия. Вот и все, в двух словах. Остальное – это просто объяснения, уточнения и оговорки, а также ответы на неверно понятые возражения.³

Либертарианство – это теория о том, что *должно* быть незаконным, а не о том, что сейчас запрещено законом. Например, в некоторых юрисдикциях запрещено взимать арендную плату сверх установленного уровня. Эти положения не опровергают либертарианский кодекс, потому что относятся к текущему состоянию закона, а не к тому, каким он должен быть. Эта философия свободы формально ничего не *запрещает*; строго говоря, она не запрещает даже агрессию против индивида или собственности. Она только утверждает, что будет справедливым применять силу к тем, кто нарушил ее ограничения, проявив агрессию. Предположим, что всемогущие, но злые марсиане угрожают распылить всю

³ Дальнейшие пояснения см. в: Rothbard, 1970, 1973, 1982; Hoppe, 1989, 1990, 1992; Nozick, 1974.

Землю и уничтожить все ее население, если кто-нибудь не убьет ни в чем не повинного Джо Блоггса. Можно считать правильными действия сделавшего это человека в том смысле, что он спасет весь мир от гибели. Но согласно либертарианской доктрине он виновен в преступлении и подлежит справедливому наказанию. Посмотрим на это с точки зрения нанятого Блоггсом телохранителя. Конечно, его действия по предотвращению убийства клиента были бы оправданными.⁴

Заметим, что правовой кодекс либертарианства формулируется в терминах инициирования насилия. Нанесение вреда или ущерба не упоминается вовсе, поскольку существует масса законных способов причинить вред другим. Например, если открыть магазин одежды через дорогу от уже работающего магазина и переманить к себе его клиентов, то это, несомненно, навредит последнему, но не нарушит его права. Аналогично, если Джон хочет жениться на Джейн, а она вместо этого выходит за Джорджа, то Джону, конечно, причиняется ущерб; однако никакой правовой защиты от Джорджа в этом случае быть не должно. Иными словами, вне закона должны быть только нарушения прав. Поскольку согласно этому взгляду люди имеют только право на свободу от посягательств на свою личность или собственность, закон должен лишь обеспечивать исполнение контрактов, а также защиту индивидуальных и частных прав собственности.

И еще есть формулировка «по отношению к человеку или

⁴ Этим примером, как и многим другим, я обязан Мюррею Ротбарду.

его собственности». Она также требует пояснения, поскольку если либертарианство строится на предпосылке о том, что вторжение или пересечение границы без приглашения должно быть наказано, то необходимо знать, где заканчивается ваш кулак и начинается мое лицо. Предположим, что мы видим, как А засовывает руку в карман В, вытаскивает оттуда бумажник и убегает. Виновен ли карманник в преступлении? Только в том случае, если предыдущий владелец бумажника был его законным владельцем. В противном случае, если А был полноправным владельцем бумажника и просто вернул свою собственность, то преступления не было. На самом деле оно произошло за день до этого, когда В украл у А бумажник, который последний таким образом себе возвращает.

В случае человеческого тела анализ обычно прост. В криминальном поведении виновен поработитель, похититель, насильник, грабитель или убийца, поскольку жертва является полноправным владельцем тела, подвергающегося насилию.⁵ Физические объекты, конечно, представляют собой более серьезную проблему; в природе не встречаются пред-

⁵ С точки зрения религии наше тело нам не «принадлежит». Мы распоряжаемся им, но в конечном счете все «принадлежим» Богу. Однако это касается только отношений между человеком и божеством. А если говорить об отношениях между людьми, то светское утверждение о том, что наше собственное тело принадлежит нам, имеет совершенно иной смысл. Речь о том, что у каждого из нас есть свободная воля; что ни один человек не может брать на себя ответственность за порабощение другого, даже «ради блага» последнего.

меты с пометками «мое» и «твое». Здесь для определения границ сторонник свободного капитализма опирается на теорию гомстеда Локка. Тот, кто «сочетает свой труд» с природными ресурсами, ранее никому не принадлежавшими, становится их законным владельцем. Справедливость владения собственностью может прослеживаться вплоть до такого рода прав, с учетом ненасильственных методов передачи титулов собственности (купля-продажа, дарение и т. п.).

В этой философии также имеют большое значение фразы «без приглашения» или «без разрешения». Для внешнего наблюдателя помощь в добровольной эвтаназии может быть неотличима от убийства; добровольная сексуальная связь физически может напоминать изнасилование; матч по боксу кинезиологически совпадает с уличной дракой. Тем не менее между этими действиями есть важнейшее различие: первое действие в каждой из пар совершается (или может совершаться) по взаимному согласию и потому легитимно, второе – нет.

Заложив основы, свяжем либертарианство с проблемами сутенерства, проституции и наркоторговли. Либертарианство как политическая философия не говорит ничего о культуре, нравах, морали или этике. Повторим еще раз: в нем задается только один вопрос, на который дается только один ответ. Вопрос таков: «Связано ли действие с инициированием насильственного вторжения?» Если да, то применение (легальной) силы для того, чтобы остановить вторжение или

наказать за него, будет оправданным; если же нет, то оно недопустимо. Поскольку ни одно из упомянутых выше действий не связано с «нарушением границы», их нельзя запретить законом. Как я утверждаю в книге «Defending the Undefendable», с точки зрения практики эти запреты имеют всевозможные пагубные последствия.

Какова точка зрения либертарианства на эти действия, которые я буду называть «порочными»? Если не говорить об их легализации, либертарианец *в ипостаси* либертарианца не имеет никакой точки зрения на это. В той степени, в которой он занимает определенную позицию по этому поводу, он делает это уже в другой своей ипостаси, не как либертарианец.

Для того чтобы выразить эту мысль абсолютно ясно, рассмотрим аналогию. Согласно микробной теории болезни вызывают не «демоны», «духи» или гнев богов, а микробы. Тогда каковы взгляды этой теории на то, что зараженного индивида надо изолировать? На теорию электронов в химии или в астрономии? Что она скажет о проблеме абортов? Какова позиция сторонников микробной теории по поводу войны на Балканах? По поводу сексуальных отклонений? Конечно, у этой теории нет никаких взглядов. Это не означает, что те, кто полагает, что болезни вызываются микробами, не склоняются к одной или другой стороне в этих дискуссиях. Они необязательно будут индифферентными. Напротив, «микробисты» в ипостаси «микробистов» не занимают во-

обще никакой позиции по поводу этих важных современных проблем. Суть в том, что микробная теория не имеет совершенно никакого отношения ко всем этим проблемам, независимо от их важности.

Аналогично, либертарианская точка зрения не подразумевает никаких моральных или ценностных суждений относительно действий, о которых идет речь. Единственное, что имеет значение для нее: не составляют ли эти действия первый шаг непрошенной агрессии. Если да, то либертарианская позиция состоит в том, чтобы применить силу в ответ; не потому, что эти действия порочны, а потому, что они нарушают единственную либертарианскую аксиому: никакой агрессии против не-агрессоров. Если эти действия не связаны с силой принуждения, то либертарианская философия отрицает допустимость применения насилия против них, независимо от того, насколько странными, экзотическими или недостойными они будут.

II. Культурный консерватизм

Посмотрим теперь на пороки с совершенно иной точки зрения: моральной, культурной, эстетической, этической или прагматической. Здесь, конечно, не стоит вопрос о законодательном запрете на них, поскольку они оцениваются совсем по иному стандарту.

Тем не менее очень интересно, как же мы их рассматриваем. Один тот факт, что либертарианец не будет выступать за тюремное заключение для тех, кто предаётся порокам, не означает его морального нейтралитета по отношению к такому поведению. Итак, мы за или против? Поддерживаем или противостоим? По этому параметру я культурный консерватор. Мне противны гомосексуализм, распутство и садомазохизм, а также сутенерство, проституция, наркотики и т. п. В первой части моего интервью в «Laissez Faire Books» (ноябрь 1991 г.) я говорил: «Основная тема... либертарианства (в том), что любое неагрессивное поведение должно быть легальным; люди и принадлежащая им на законных основаниях частная собственность должны быть священны. Это не означает, что такие неагрессивные действия, как торговля наркотиками, проституция и т. п., хороши, правильны или моральны. По моему мнению, это не так. Речь идет только о том, что силы правопорядка не должны заключать людей за это в тюрьму».

И еще раз, как говорилось в третьей части этого интервью (февраль 1992 г.): «Я не считаю либертарианство атакой на обычаи и мораль. Я считаю, что палеолибертарианцы отметили очень важный момент: то, что мы не сажаем порнографа в тюрьму, не значит, что нам должно нравиться его занятие. Наоборот, абсолютно логичным будет защищать его право заниматься своей профессией и в то же время испытывать отвращение и к нему, и к его действиям».

Для того чтобы лучше подчеркнуть эту идею, изучим соотношение между либертарианцами и либертинами. Первый термин мы уже определили. Для наших целей второй можно определить так: это человек, который любит и приветствует всевозможные пороки, участвует в них и/или отстаивает их моральность, но в то же время остерегается любых проявлений необоснованного насилия. Таким образом, либертин будет приветствовать проституцию, наркотическую зависимость, садомазохизм и т. п., и может быть, даже будет заниматься этими вещами, но принуждать к этому никого не станет.

Являются либертарианцы либертинами? Некоторые, конечно, да. Если бы либертарианец был членом Североамериканской ассоциации любви к мужчинам и мальчикам, то он бы подходил под определение.⁶ Являются ли все либер-

⁶ Проблема детей – пугающая и сложная для любой политической философии, не только для либертарианства. Но данный конкретный случай довольно очевиден. Любой взрослый гомосексуалист, пойманный в постели с несовершеннолетним мальчиком (который по определению не может дать согласие на такую

тарианцы либертинами? Конечно, нет. Большинство либертарианцев в ужасе отшатнутся от таких дел. Какова же тогда связь между либертарианцем как либертарианцем и либертином? Она такова. Либертарианец – это некто, полагающий, что либертина не надо сажать в тюрьму. Он может активно противостоять либертинизму, выступать против него, организовывать бойкоты, чтобы сократить число таких случаев. Есть только одно, чего он не может сделать, оставаясь либертарианцем: он не может выступать за применение силы по отношению к этим людям. Почему? Потому что кто бы что ни думал об их действиях, они не иницируют физическое насилие. Поскольку это не является неизбежным ни в одном из упомянутых случаев,⁷ либертарианец должен, в некоторых случаях с неохотой, воздержаться от призывов применить силу против тех, кто предается порокам по взаимному согласию и по достижению совершеннолетия.⁸

связь), должен быть признан виновным в изнасиловании несовершеннолетнего; любой родитель, допускающий такие «отношения», должен быть признан виновным в жестоком обращении с детьми. Это применимо не только к гомосексуальной связи с детьми, но и к гетеросексуальному случаю. Может встать вопрос о том, является ли установление произвольной возрастной границы наилучшим способом отделить детей от взрослых, но при наличии такого закона изнасилование несовершеннолетних в любом случае должно быть незаконным. Это относится и к жестокому обращению с детьми, хотя здесь также присутствует проблема континуума.

⁷ Конечно, вообще говоря, многие, если не все, сутенеры, например, выступают инициаторами неоправданного насилия. Но им *необязательно так поступать*, поэтому сутенерство как таковое не является нарушением прав.

⁸ Конечно, вообще говоря, многие, если не все, сутенеры, например, выступают

Либертарианец может ненавидеть и презирать либертина, а может и нет. К тому или к другому либертарианство его обязывает ничуть не больше, чем сторонника микробной теории – к определенной позиции по поводу либертинизма. Единственное, что от него требуется как от либертарианца, – не требовать тюремного срока для либертина. Тем самым он не должен требовать тюрьмы для либертина, не проявляющего агрессию и не совращающего детей, который ограничивает свои порочные занятия возрастом добровольного согласия. Но как личность, как гражданин, как моралист, как комментатор происходящих событий, как культурный консерватор либертарианец совершенно свободен считать либертинизм пороком и делать все, что в его силах, чтобы положить этому конец – кроме применения силы. К этой категории я отношу и себя.

Почему тогда, будучи культурным консерватором, я выступаю против либертинизма? Прежде всего потому, что это аморально. В высшей степени ясно, что эти пороки вредят интересам и развитию человечества. Это мой критерий моральности, откуда следует, что я считаю такие действия аморальными. К тому же либертины бравировать «достоинствами» своих занятий и похваляются этим. Если «нижняя ступень ада» зарезервирована для тех, кто слишком слаб, чтобы устоять перед аморальными занятиями, то еще более низкую

инициаторами неоправданного насилия. Но им *необязательно так поступать*, поэтому сутенерство как таковое не является нарушением прав.

следует приготовить для тех, кто не только предается им, но и хвастается этим и активно поощряет других последовать своему примеру.

Можно привести и другие причины. Возьмем традиции. В свое время я бы поднял на смех мысль о том, чтобы делать что-либо только потому, что это соответствует традиции, и не делать, если не соответствует. Все мои инстинкты толкали бы меня на то, чтобы действовать в направлении, противоположном диктату традиции.

Но это было до того, как я до конца осознал мысль Ф. Хайека. Прочитав множество его работ (например, Наук, 1973), я понял, что разрушительные и вредные традиции пропадают либо в результате добровольных изменений, либо более трагически, в результате исчезновения действовавшего согласно им общества. Тогда получается, что если традиция выжила, то она обладает некой положительной ценностью, даже если мы ее не видим. Оспаривать все, для чего нельзя немедленно привести достаточных оснований, – это, по Хайеку, «пагубная самонадеянность». Как иначе можно оправдать «слепую покорность», с которой люди носят воротнички и галстуки, например?

Но традиция – это просто допущение, а не почитаемое божество. Имеет смысл изменять и отменять традиции, которые не работают. Но это лучше всего делать, проявляя не враждебность, а уважение к тому, что работало столько лет.

Еще одну причину противостоять либертинизму дают

религиозные убеждения. Мало какие иные сектора общества столь же сильно порицали пороки. Однако для меня в начале 1970-х годов религия была воплощением войны, убийств и несправедливости. Она представляла собой «нечестивый союз» крестовых походов, инквизиции, религиозных войн, приносимых в жертву девственниц, сжигания на кострах «ведьм», астрономов, неверующих, свободомыслящих и других неудобных людей. Сейчас я смотрю на это совсем по-иному. Да, такие вещи происходили, и самозванные последователи религий безусловно, за это отвечают. Но существует и своего рода исторический закон об ограничениях, по крайней мере если учесть то, что нынешние последователи той или иной религии ни к какой мере не могут считаться ответственными за действия своих предшественников. Сейчас религия представляется мне одной из последних лучших надежд для общества, и это один из основных институтов, отважно соревнующихся с чрезмерным и раздутым государством.⁹

⁹ Невозможно отрицать, что экономические заявления у многих религий едва ли можно назвать звонким одобрением экономической свободы и свободного предпринимательства (см. Block, 1986 и 1988). Сюда входят пасторальные письма от католических епископов в США, канадской конференции католических епископов, папские энциклики и многочисленные заявления по этим вопросам от реформированных иудеев и многих протестантских деноминаций. Тем не менее религиозные организации наряду с институтом семьи остаются главным оплотом борьбы против всеохватной государственной власти. В некоторых случаях они играют эту роль просто благодаря тому, что представляют собой социальный механизм, альтернативный предоставляемому государством.

Если коротко проанализировать нашу нынешнюю участь, то мы страдаем от избыточного вмешательства государства. Одним из способов борьбы с этим является применение к государству моральных координат. Другой способ – в большей степени опираться на «посреднические» институты, такие, как фирма, рынок, семья, общественный клуб, в особенности организованная религия. Эти организации, в основе которых лежат моральные идеалы и духовные ценности, гораздо лучше обеспечивают нужды человечества, чем политические режимы.

Другая причина того, почему я против либертинизма, более личная. Я пришел к убеждению, что каждый из нас обладает душой, или внутренней природой, или живительным духом, или личностью, или непорочностью, или самоуважением, или достоинством – называйте как хотите. По моему мнению, некоторые действия – те самые, которые здесь обсуждаются, – разрушают это внутреннее нечто. Это способ умственного и духовного распада. Практическим результатом этих действий будут опустошенность и моральное разложение – для тех, кто способен это почувствовать. Конечным итогом может даже стать физическое самоубийство. И такое разрушение индивидуального характера имеет печальные последствия для общества в целом.

III. Примеры: проституция и наркотики

Рассмотрим проституцию в качестве примера разрушения индивида. Греховность этого действия для покупателя и для продавца в том, что это атака на душу. В этом она напоминает другие формы поведения: секс без любви или хотя бы уважения, внебрачные сексуальные отношения, прелюбодеяние, промискуитет. Проституция выделяется не потому, что она в этом отношении уникальна, а потому, что это экстремальная форма такого поведения. Действительно, запреты загоняют эту «профессию» в подполье, с еще более удручающими результатами. Действительно, если проститутка самостоятельно занята (т. е. если она не находится в рабстве), то она имеет право распоряжаться своим телом по своему усмотрению любым неагрессивным способом.¹⁰ Это может быть хорошим и достаточным основанием для легализации. Однако одно лишь то, что я выступаю против запрета на проституцию, не означает, что я присваиваю какую-то ценность этому явлению. Было бы гораздо, гораздо лучше, если бы никто не занимался проституцией не потому, что это влечет за собой наказание, а потому, что люди не хотят так себя обесценивать.

¹⁰ *Легальное право, но не моральное право.*

На противоположном конце моральной шкалы стоит брак, который, несомненно, находится сейчас в осаде. Традиционная нуклеарная семья сейчас рассматривается мультикультуралистской элитой как патриархальное, эксплуататорское зло. В то же время не случайно, что дети, воспитанные по этой модели, не устраивают яростных шествий. Конечно, я не говорю, что сексуальные отношения вне матримониальных границ должны быть поставлены вне закона. Как либертарианец я и не могу сделать этого, поскольку это «преступление» без жертв. Но как культурный консерватор я, безусловно, могу заметить, что на институт брака нападают как никогда прежде, и то, что в результате этого он слабеет, нанесло вред обществу. Я могу громогласно утверждать, что при всем несовершенстве реальных браков они, как правило, значительно превосходят другие возможные альтернативы для заботы о детях, такие как милосердие государства, родителей-одиночек, приюты и т. п.¹¹

В качестве другого примера возьмем употребление наркотиков. По моему мнению, аддиктивные (вызывающие зависимость) наркотики вызывают не меньшее моральное отвращение, чем проституция. Они уничтожают душу. Это медленная, а иногда и не очень медленная форма самоубийства. Даже будучи живым, наркозависимый человек на самом деле не живет, – ради минутного «экстаза» он продает свое сознание и способности. Такие наркотики – это атака на тело,

¹¹ Анализ атаки государства на брак и семью см. в Carlson, 1988 и Murray, 1984.

разум и дух. Человек, употребляющий их, становится рабом наркотика и больше не владеет собственной жизнью. В некотором смысле это даже хуже, чем настоящее рабство. Во времена расцвета этого «любопытного института» в XIX в. и до этого его жертвы могли сохранять планы вырваться на свободу. Они, конечно, могли вообразить себя свободными. Если человек находится в зависимости от наркотиков, то слишком часто происходит так, что у него атрофируется сама мысль о свободе.

Я не обсуждаю положение наркозависимых людей в условиях нынешних запретов. Оно и без того печально, но в большей степени это вызвано криминализацией наркотиков. Потребитель не может позволить себе получить медицинскую консультацию по этому поводу; сами наркотики не отличаются чистотой и очень дороги, что способствует преступности и тем самым замыкает порочный круг, и т. д. Я говорю о положении потребителя в идеальных (легализованных) условиях, где наркотические вещества дешевы, чисты и доступны, где нет нужды совместно пользоваться шприцами и где легко можно получить медицинский совет по поводу «правильного» употребления и «безопасной» дозировки.

Из этой довольно неприятной характеристики есть, конечно, определенные исключения. Марихуана может приводить к некоторым улучшениям самочувствия у пациентов, страдающих глаукомой. Морфин применяется по медицинским показаниям для обезболивания при операциях. Психи-

атрические лекарства могут применяться для борьбы с депрессией. Но в остальных случаях моральный, ментальный и физический вред героина, кокаина, ЛСД и им подобных колоссален и разрушителен.

Почему прием наркотиков или (для этого случая) засорение мозга в результате злоупотребления алкоголем является моральной изменой? Потому, что это мягкая форма самоубийства, а жизнь столь неизмеримо ценна, что любое отступление от нее представляет собой этическое и моральное преступление. Жизнь необходимо ощущать, чтобы она имела ценность. Наркомания, алкоголизм и т. п. – это способы выпасть из жизни. А что если употребление этих веществ рассматривается как способ получить «кайф», испытать состояние эйфории? Я отвечаю: жизнь сама должна быть кайфом, по крайней мере в идеале, и единственный способ сделать ее такой – хотя бы попытаться. Но мало кто способен сделать что-нибудь достойное, находясь «под кайфом».

Я еще раз повторяю, что я не призываю устранить наркотики законодательными путем. Запреты – это не только кошмар с точки зрения практики (они повышают преступность, провоцируют неуважение к закону и т. д.), но и этически недопустимая вещь. Совершеннолетний человек должен иметь легальное (не моральное) право засорять свое тело как ему угодно (Block, 1993; Thornton, 1991). На возражение, что это лишь медленная форма самоубийства, я отвечу, что самоубийство тоже должно быть законным. (Сказав это как ли-

бертарианец, как культурный консерватор я утверждаю, что самоубийство – это прискорбное событие, недостойное морального человека.¹²⁾

Таким образом, мы остаемся с довольно удивительным выводом, что даже хотя аддиктивные наркотики представляют собой моральную проблему, запрещать их не следует. То же самое относится к аморальному сексуальному поведению. Хотя при первом прочтении это может показаться неожиданным, это не должно вызывать удивление. В конце концов, есть масса форм поведения, которые являются законными, оставаясь при этом аморальными или неприличными. К тем, что мы уже обсуждали, можно добавить сплетни, издевательство над душевнобольными людьми в их присутствии и высмеивание их ответов, жульничество в играх «для забавы», отсутствие этикета, неоправданная злоба. Не уступать место в транспорте беременной женщине также неприлично. Эти действия весьма различны по серьезности своих последствий, но все они вполне заслуживают презрения, каждое по-своему. И все равно законодательно запре-

¹² Конечно, необходимо исключить ситуации, связанные с облегчением страданий от постоянной мучительной боли, неизлечимых психических расстройств и т. п. Мы уже говорили о том, что суть морали заключается в том, чтобы способствовать благополучию человечества. В таких ситуациях понятно, что наилучшим способом добиться этого может быть и самоубийство. В любом случае реакцией на этих несчастных людей должна быть поддержка, а не наказание. Безусловно, смертный приговор за неудавшуюся попытку самоубийства – метод, практиковавшийся в ушедшую эпоху, – полностью противоположен тому, что необходимо сделать.

щать их не следует. Почему? В данном разделе лучше всего подойдет либертарианское объяснение: потому что ни одно из них не означает агрессивного насилия.

IV. Mea culpa¹³

Раньше, когда я приводил аргументы за легализацию авангардного поведения в области секса и наркотиков (в первом издании книги «Defending the Undefendable»), я писал о них в гораздо более позитивном ключе, чем пишу сейчас. В свою защиту я закончил предисловие к первому изданию такими словами: «Защита таких людей, как проститутка, порнограф и т. д., очень ограничена. Она состоит в одном лишь утверждении о том, что они не иницируют физическое насилие против не-агрессоров. Поэтому в соответствии с либертарианскими принципами наказывать их не нужно, т. е. не нужно применять тюремное заключение или другие формы насилия. Это, безусловно, *не* означает, что эти действия моральны, правильны и верны».

Однако, когда дело дошло до реальных глав, я испытывал слишком большой энтузиазм по поводу достоинств этих призывов. Я изливал свое красноречие по поводу «стоимости услуг». Я полностью игнорировал моральные представления третьих сторон. Я не признавал философию культурного консерватизма. Сегодня, перечитывая эти места, я сожалею о них. Мне кажется, что единственным подходящим наказанием будет не удалять эти главы, а оставить, чтобы их видел весь мир.

¹³ Моя вина (лат.). – Прим. ред.

Женитьба, дети, два десятилетия и немалые размышления резко изменили мои взгляды на трудные проблемы, рассматривавшиеся в этой книге. Мои нынешние взгляды на «социальные и сексуальные пороки» состоят в том, что хотя ни один из них не следует преследовать по закону, я настоятельно советую ими не заниматься.

Одна из причин того, что я защищал некоторые из них двадцать лет назад, состоит в том, что меня настолько беспокоило зло, связанное с инициированием насилия, что мне не удалось полностью осознать последствия защиты порочных действий. Я был одурачен тем, что хотя многие из них связаны с насилием, ни одному оно не присуще от природы, в том смысле, что все эти пороки можно представить происходящими между взрослыми людьми по обоюдному согласию. Пытаясь как можно активнее отстоять мысль о том, что инициирование насилия – это зло (а это действительно зло), я, к сожалению, упустил из виду тот факт, что это не единственное зло. Даже при том, что я, конечно, знал разницу между легальным и моральным, я полагал, что *единственная* аморальность – это акт агрессии. Но теперь я уже много лет убежден, что помимо него есть и другие виды аморальности.

Как мне ясно сейчас, ошибка, совершенная мной в ранних работах, состоит в том, что я не только либертарианец, но и культурный консерватор. Меня беспокоит не только то, каким должен быть закон, я еще и живу в моральной, культурной и этической сфере. Тогда меня настолько поразил блеск

либертарианского взгляда (это и теперь так), что я упустил то, что я больше чем только либертарианец. Будучи и либертарианцем, и культурным консерватором, я не вижу несовместимости между убеждениями, относящимися к двум столь различным вселенным дискурса.

Литература

Block, Walter E. 1986. *The U.S. Bishops and Their Critics: An Economic and Ethical Perspective*, Vancouver: Fraser Institute.

Block, Walter E. 1988. *Economics of the Canadian Bishops // Contemporary Policy Issues* 6, no. 1 (January): 56–68.

Block, Walter E. 1993. *Drug Prohibition: A Legal and Economic Analysis // Journal of Business Ethics* 12: 107–118.

Carlson, Allan C. 1988. *Family Questions*. New Brunswick, N.J.: Transaction.

Hayek, F. A. 1973. *Law, Legislation and Liberty*. Chicago: University of Chicago Press. [*Хайек Ф.* Закон, законодательство и порядок. М.: ИРИСЭН, 2006.]

Hayek, F. A. 1989. *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Chicago: University of Chicago Press. [*Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1988.]

Hoppe, Hans-Hermann. 1989. *A Theory of Socialism and Capitalism*. Boston: Kluwer.

Hoppe, Hans-Hermann. 1990. *The Justice of Economic*

Efficiency // The Austrian School of Economics. Steven Littlechild, ed. London: Edward Elgar.

Hoppe, Hans-Hermann. 1992. The Economics and Ethics of Private Property: Studies in Political Economy and Philosophy. Boston: Kluwer.

Murray, Charles. 1984. Losing Ground: American Social Policy from 1950 to 1980. New York: Basic Books.

Nozick, Robert. 1974. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books. [*Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.]

Rothbard, Murray N. 1970. Power and Market: Government and the Economy. Kansas City: Sheed Andrews and McMeel. [*Ротбард М.* Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010.]

Rothbard, Murray N. 1973. For a New Liberty. New York: Macmillan. [*Ротбард М.* К новой свободе. М.: Новое издательство, 2009.]

Rothbard, Murray N. 1982. Ethics of Liberty. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press. [*Ротбард М.* Этика свободы // <http://libertynews.ru/node/142>]

Thornton, Mark. 1991. The Economics of Prohibition. Salt Lake City: University of Utah Press.

Комментарий

Просматривая книгу «Defending the Undefendable»,

я почувствовал, что меня вновь подвергли шоковой терапии, с помощью которой более пятидесяти лет назад Людвиг фон Мизес сделал меня последовательным сторонником свободного рынка. Даже теперь я время от времени поначалу испытываю недоверие и чувствую, что «это заходит слишком далеко», но, как правило, в конце концов понимаю, что вы правы.

Некоторые сочтут это слишком сильным лекарством, но оно все равно будет полезным, даже если его возненавидят. Реальное понимание экономики требует освобождения от столь дорогих каждому предрассудков и иллюзий. Популярные заблуждения в экономике часто выражаются в появлении необоснованных предрассудков против других занятий. Показать ложность этих стереотипов означает оказать людям реальную услугу, хотя это и не добавит вам популярности у большинства.

Ф. Хайек,

лауреат Нобелевской премии, Институт национальной экономики, Университет Зальцбурга

Введение

Людей, представленных в этой книге, обычно считают злодеями, а выполняемые ими функции – пагубными. Иногда порицанию подвергается и само общество, порождающее таких персонажей. Однако посыл этой книги будет сконцентрирован на следующих утверждениях:

1. Они не виновны ни в каких преступлениях насильственной природы.
2. Почти все они приносят обществу реальную пользу.
3. Если мы запретим их деятельность, то сделаем это в ущерб себе.

Импульс этой книги – либертарианство. Основная предпосылка этой философии такова: *недопустимо применять агрессию к тем, кто не применяет ее сам*. Под агрессией понимаются не напористость, аргументированность, конкурентоспособность, авантюризм, сварливость или враждебность. Под агрессией понимается применение насилия, подобного тому, которое сопровождает убийство, изнасилование, грабеж или похищение. Либертарианство не означает пацифизма; оно не запрещает применять насилие в качестве защиты или даже возмездия против насилия. Однако либертарианская философия не разрешает лишь *инициировать насилие* – т. е. применять насилие к индивиду, который сам его не применяет, или к его собственности.

В таком подходе нет ничего предосудительного или противоречивого. Большинство людей чистосердечно поддержат его. Действительно, подобное отношение – неотъемлемая часть западной цивилизации, воплощенная в законе, в нашей Конституции и в естественном праве.

Уникальность либертарианства заключается не в формулировке его базового принципа, а в том, с какой строгой, даже маниакальной последовательностью этот принцип воплощается. Например, большинство людей не видит никакого противоречия между ним и нашей системой налогообложения. Либертарианцы видят.

Налогообложение противоречит базовому принципу, потому что подразумевает агрессию против неагрессивных граждан, отказывающихся платить. Не имеет ни малейшего значения тот факт, что государство предоставляет товары и услуги в обмен на налоговые поступления. Важно другое: так называемый обмен (налоговых платежей на государственные услуги) является *принудительным*. Не имеет значения и то, что большинство граждан поддерживает принудительное налогообложение. Инициирование агрессии недопустимо, даже если его одобряет большинство. Либертарианство осуждает его в этой сфере точно так же, как и везде, где оно происходит.

Другим различием между убеждениями либертарианцев и иных членов общества является утверждение, обратное тому, что инициирование насилия – это зло. Либертарианцы

утверждают, что в рамках политической теории все, что *не связано* с инициированием насилия, не является злом. Все, что не связано с инициированием насилия, не требует наказания и не должно ставиться вне закона. И это основа первой части моей аргументации. Так называемые злодеи не являются злодеями, если *они не иницируют насилия по отношению к тем, кто не проявляет агрессии*.

Как только становится ясно, что ни один из этой галереи людей, на первый взгляд являющихся преступниками, не виновен ни в каком насильственном преступлении, нетрудно понять и второе утверждение: *практически все рассматриваемые нами люди приносят пользу остальному обществу*. Эти люди не являются агрессорами. Они никому себя не навязывают. Если другие представители общества имеют с ними какие-то дела, это происходит добровольно. Люди участвуют в добровольных сделках, потому что ожидают извлечь из них какую-то пользу. Раз люди добровольно торгуют с нашими «злодеями», то они должны получить от них что-то, что им нужно. «Злодеи» *должны* приносить пользу.

Третья предпосылка неизбежно вытекает из второй. Добровольная торговля – единственный путь взаимодействия, открытый для тех, кто, подобно козлам отпущения, избегает насилия. Такая торговля всегда должна быть выгодной для всех сторон. А отсюда следует, что запрет добровольной торговли должен *приносить вред* всем сторонам.

Я делаю даже более сильное утверждение. Я буду дока-

зывать, что запрет на деятельность рассматриваемых людей вредит не только потенциальным участникам торговли, но и может нанести серьезный ущерб третьим сторонам. Одним из вопиющих примеров является запрет на деятельность торговца героином. Это вредит не только продавцу и покупателю. С этим запретом связаны и высокий уровень преступности в нашем обществе, и полицейская коррупция, а во многих местах и полный распад закона и порядка.

Суть моей позиции, главная мысль, которую я хочу высказать в данном введении, заключается в следующем. Между инициированием агрессии и любыми другими действиями, которые с ней не связаны, сколь бы неприятными для нас они ни были, существует важнейшее различие. Права человека нарушает *только* акт агрессивного насилия. Неприменение агрессивного насилия должно считаться фундаментальным законом общества. Людей, которые рассматриваются в этой книге, оскорбляет пресса и не задумываясь осуждают практически все. Однако они не нарушают ничьих прав и поэтому не должны подвергаться юридическим санкциям. Я убежден, что они козлы отпущения, – они на виду, они открыты для атаки. И все же, если должна восторжествовать справедливость, то этих людей необходимо защитить.

Моя книга защищает рынок. В ней воздается особая похвала тем участникам системы свободного предпринимательства, которых ее критики порицают в наибольшей степени. Но если можно показать взаимную выгоду и продук-

тивность рыночной системы даже в столь крайних случаях, то это еще больше усилит аргументацию в защиту рынка в целом.

Однако важно предвосхитить одну возможную ошибку в интерпретации. В этой книге *не утверждается*, что рынок – это моральный экономический институт. Действительно, система прибылей и убытков в бизнесе принесла человечеству многообразие потребительских товаров и услуг, которые были неизвестными на протяжении всей истории человечества. Рынок является наилучшим средством удовлетворить вкусы, желания, предпочтения конечного потребителя.

Однако рынок производит и такие товары и услуги, как азартные игры, проституция, порнография, наркотики, алкоголь, сигареты, свингерские клубы, подстрекательство к самоубийству. Это набор товаров и услуг, которые, мягко говоря, весьма сомнительны с точки зрения морали, а во многих случаях – в высшей степени аморальны. Поэтому систему свободного предпринимательства нельзя считать моральной. В качестве способа удовлетворения потребителей она не более моральна, чем цели самих участников рынка. А поскольку эти цели различаются очень сильно (от абсолютно порочных и аморальных до полностью законных), то рынок необходимо рассматривать как внеморальный – ни моральный, ни аморальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.